листический аспект критики полностью согласовался с направлением деятельности будущей Российской академии, хотя само приглашение в журнал его оппонентов преследовало не только научные цели.

Призыв редакции был услышан, и уже во втором номере журнала появилось «Послание к господам издателям Собеседника от Любослова» (II, 106—117). Это был дотошный, постраничный критический разбор всех опубликованных в первой книжке журнала материалов с точки зрения допущенных в них нарушений грамматических, логических, стилистических и даже орфографических норм русского литературного языка. Издатели сочли необходимым сопроводить публикацию «Послания» Любослова вступительной заметкой, где завуалированно дали понять автору, что его критика не совсем приятна лицам, возглавляющим редакцию журнала и его высокопоставленным покровителям. В дополнение к этому в последующих номерах журнала стали появляться полемические отклики и даже пародии на статью Любослова. Решение стилистических и филологических проблем начинало приобретать идеологическую окраску, и дальнейшие публикации материалов подобного рода обнажают своеобразное размежевание двух лагерей. На одном полюсе располагаются критические выступления, продолжившие почин Любослова. Это прежде всего «Сумнительные предложения господам издателям Собеседника от одного Невежды, желающего приобресть просвещение» (IV, 11—26). Статья принадлежала П. С. Батурину.[13] В ней как бы была продолжена критика, начатая ранее Любословом в отношении материалов, опубликованных в 1-й книжке «Собеседника». Правда, в отличие от предшественника, наблюдения «невежды» касались преимущественно логических несоответствий, встречавшихся в стиле произведений: нарушение смысла фразы в результате неточного употребления слов, противоестественность метафор и сравнений, крайности усложненной парафрастичности стиля. Все эти огрехи, выявленные в стихотворениях Державина, Богдановича, Муравьева, автор «Сумнительных предложений» детально анализирует, доказывая необходимость строгого соблюдения правил логики и грамматических законов родного языка как первейшего условия совершенства воплощения всякой поэтической мысли.

Редакция журнала предоставила возможность поэтам, чьи произведения подверглись разбору, ответить на замечания «невежды». Полемика обозначилась уже в том же, 4-м номере «Собеседника», поскольку возражения «невежде» со стороны Державина были помещены в подстрочных примечаниях к самой критике.

---

[13] Фамилия автора была установлена Б. Л. Модзалевским, опубликовавшим «Записки» П. С. Батурина, из которых явствовало, кто скрывался под псевдонимом «невежды» (Голос минувшего. 1918. № 1—2. С. 65.)